

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПЕСНИ: К ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА В 1920-е гг.

(ПЕСНИ В ЗАПИСИ Л. В. ДОМАНОВСКОГО
ИЗ ФОЛЬКЛОРНОГО СОБРАНИЯ РО ИРЛИ)¹

Публикация и комментарии Н. Г. Комелиной

Работа, предлагаемая вниманию читателей, — продолжение публикации материалов папки «Особое хранение» Фольклорного собрания Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).² Особое хранение предполагало, что определенные фольклорные материалы не выдавались посетителям архива по политическим либо этическим причинам. Тематически материалы папки «Особое хранение» разбиваются на три блока: политический фольклор, «мещанский» и блатной, эротический. Коллекция № 193 была сформирована в 1969 г. Практически все тексты, хранящиеся в этой коллекции, представляют собой записи городского фольклора. Политических мотивировок помещения городских песен в спецхран нет, поэтому можно предпо-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук «Запрещенный фольклор в истории советской науки» МК-3884.2014.6.

² См.: *Комелина Н. Г.* 1) «Репрессированные архивы»: К постановке вопроса // От конгресса к конгрессу : Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов : Сборник докладов. М., 2010. Т. 1. С. 279—288; 2) Политический фольклор из «Особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома // Русский политический фольклор : Исследования и публикации. М., 2013. С. 306—401.

ложить этические и эстетические причины изъятия песенного фольклора из основного хранения.

В преамбуле автор данной публикации предпринимает попытку ответить на вопрос, почему фольклористов 1920-х гг. особенно привлекал городской фольклор и почему записанные ими тексты были позднее помещены в «особое хранение». В связи с этим пристальное внимание будет уделено истории становления социологического подхода в отечественной фольклористике 1920-х гг., в частности рецепции теории немецкого ученого Ганса Наумана в России.³

После революции 1917 г. изменяется отношение к народу; соответственно расширяется и представление о фольклоре. «Освобожденный народ» — это крестьяне и рабочие. Если раньше «народ» в целом отождествлялся фольклористами с крестьянством, то теперь в связи с гегемонией пролетариата в революционной борьбе ученым пришлось корректировать свое отношение к понятию «народ».

Д. Бранденбергер в статье «Сталинский популизм и невольное создание русской национальной идентичности» отмечает разницу в отношении к категории «нация/народ» в 1920-х и 1930-х гг. Он пишет: «Как известно, большевики были непреклонны в подчеркивании приоритета классового сознания над национальным. <...> Русский национализм, в частности, казался настолько серьезной угрозой для молодой республики Советов, что любые позитивные упоминания русскости в 1920-е годы непременно осуждались: в них видели проявления „великодержавного шовинизма“, отсылающего к царской эпохе. Нерусский национализм в тот период также осуждался».⁴ Социологизм в этнографии и фольклористике 1920-х гг. связан, по-видимому, с упомянутым приоритетом класса над нацией.

Фольклор в научном дискурсе 1920-х гг. понимался двояко. С одной стороны, он мог выступать в исследовательском восприятии как трансляция угнетаемыми классами «спущенных сверху ценностей», согласно теории Ганса Наумана (см. ниже). С другой

³ Не хотелось бы преуменьшать роль других школ и тенденций: в 1920-е гг. продолжали свою деятельность авторитетные научные общества (в частности, Русское географическое общество), а также ведущие фольклористы и этнографы, представлявшие различные течения отечественной фольклористики (Н. Е. Ончуков, Д. К. Зеленин и мн. др.). Рассуждения о социологическом подходе в советской фольклористике и теории «спущенных ценностей» в настоящей статье относятся к городской песне и не затрагивают проблематики, связанной с иными жанрами фольклора.

⁴ Бранденбергер Д. Сталинский популизм и невольное создание русской национальной идентичности // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/br4.html>. Дата обращения: 08.07.2014.

стороны, «круг объектов фольклористики» включал «материальный и духовный быт культурно-отсталых народов».⁵ В работах 1920-х гг. классовый подход применялся во многих исследованиях, так как был основой марксистской социологии.

Академик С. Ф. Ольденбург полагал: «Взаимодействие между различными социальными средами есть явление не менее важное, чем взаимодействие между расами и народами».⁶ Е. Г. Кагаров в статье «Что такое фольклор» утверждал, что «социологический подход к фольклористике и на западе и у нас упрочивается с каждым годом все сильнее и глубже. Филология и социология — вот те две основные оси, вокруг которых неизменно должны будут вращаться фольклористические изучения».⁷ Статья Ю. М. Соколова 1926 г. «Очередные задачи изучения русского фольклора» носит императивный характер и направлена на социологизацию фольклористики. Ученый пишет: «Остро ощущается в настоящее время недостаточная углубленность исторического метода в направлении социологической или, точнее, классовой и историко-экономической разработки».⁸ И далее: «новые требования современной науки, и самый фольклорный материал настойчиво толкают на планомерное и всестороннее применение социологического метода».⁹

Социологическое направление в фольклористике 1920-х гг. было поддержано теорией Ганса Наумана.

По утверждению Ю. М. Соколова, «советские фольклористы ознакомились с этими книгами [Ганса Наумана. — *Н. К.*] лишь к 1926 году».¹⁰ В письме к М. К. Азадовскому (1927) он сообщает: «Недавно была в Москве Н. М. Элиаш и поделилась впечатлениями о фольклоре в Германии. Много интересных книг вышло. Нам надо бы в Германии поработать в течение года».¹¹

⁵ *Жирмунский В. М.* Проблема фольклора // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882—1932: Сборник статей. Л., 1934. С. 199.

⁶ Цит. по: *Никифоров А. И.* Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926—1928 годов // Там же. С. 377.

⁷ *Кагаров Е. Г.* Что такое фольклор // *Художественный фольклор*. М., 1929. Т. 4—5. С. 8.

⁸ *Соколов Ю. М.* Очередные задачи изучения русского фольклора // *Художественный фольклор*. М., 1926. Т. 1. С. 11.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ *Соколов Ю. М.* Русский былинный эпос (Проблема социального генезиса) // *Литературный критик*. 1937. № 9. С. 174. Говоря о «теории» Г. Наумана, Ю. М. Соколов ссылается на две его книги: *Naumann H.* 1) *Primitive gemeinschaftskultur. Beiträge zur Volkskunde und Mythologie*. Jena, 1921; 2) *Grundzüge der deutschen volkskunde*. Leipzig, 1922.

¹¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ), ф. 542 (Азадовский М. К.), кар.

Характеризуя теорию Наумана, М. К. Азадовский видит ее источники в постулатах, сформулированных Отто Группе. «Все культурные ценности, утверждал Группе, вырабатываются в высших классах населения и лишь спустя определенное время демократизируются и становятся достоянием широких народных масс. Эта мысль Группе об „опустившейся культуре“ легла в основу последующих определений фольклора. Наиболее отчетливо ее сформулировал крупнейший швейцарский фольклорист Э. Гофман-Крайер (E. Hoffmann-Krauer) в статье „Was ist Volkskunde“: „Das Volk produziert nicht, es reproduziert nur“ («Народ не производит, он только воспроизводит»)).¹²

Р. Дорсон, говоря о фольклористике в СССР, упоминает последователей теории Наумана в ряду ученых не-марксистского склада: «В 1936 году Коммунистическая партия внезапно осознала, что фольклористы поддерживали антимарксистскую теорию. Согласно точке зрения большинства европейских фольклористов, наиболее точно сформулированной немцем Гансом Науманом, фольклор передается от элиты к народу, где находится в виде спустившегося сверху культурного достояния».¹³ Последователями Наумана в СССР Дорсон считает В. М. Жирмунского и Ю. М. Соколова.

В статье 1928 г. «О социологическом изучении фольклора» Ю. М. Соколов пишет: «Исходя из других побуждений, чем русские фольклористы, немецкие ученые также заостряют проблему о социальной природе так называемых „народного“ искусства, „народного“ быта, „народного“ творчества. Наиболее яркое выражение это течение нашло себе в трудах весьма даровитого и оригинального немецкого ученого Ганса Наумана. Проф<ессор> Науман с большой успешностью и яркостью раскрывает, как наряду с пережитками элементов примитивной культуры в быту и творчестве широкой народной массы наблюдается то, что можно назвать „gesunkenes Kulturgut“. Огромное большинство народных песен, рассказов, обычаев и обрядов является лишь переработкой культурного богатства, заимствованного из вышестоящих в экономическом и культурном отношении социальных слоев. В частности, Науман подчеркивает могучее воздействие города на деревенскую жизнь и фольклор в прошлом и настоящем. <...> Важно то, что центр внимания фольклористики перемещается к вопросам остро социального порядка. Это ли

70, № 46, л. 2 (Письма Соколова Ю. И. к Азадовскому М. К. 1926—1933 гг. Письмо от 12 марта 1927 г., Тверь).

¹² Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 283.

¹³ Dorson R. Concepts of Folklore and Folklife Studies // Folklore and Folklife. Chicago, 1982. P. 17.

не приближение фольклористики к социологии? И прав Науман, когда именно в этом построении вопросов социологического порядка он видит отличительные черты новой „современной фольклористики и этнографии“». ¹⁴

Городская песня хорошо вписывалась в теорию Наумана о «спущенных сверху ценностях»; возможно, и по этой причине интерес к ней и к городским темам в фольклористике 1920-х гг. был очень велик.

1930-е гг. отмечены сменой парадигм государственной идеологии. Помимо марксистско-ленинского учения, провозглашавшего интернационализм и классовый принцип, основой политики Сталина становятся постулаты о дружбе народов и трудовом героизме. Изменение идеологического курса существенно видоизменяет подходы, доминировавшие в фольклористике на протяжении 1920-х гг. Конституция 1936 г. утверждает победу социализма в одной отдельно взятой стране и соответственно уничтожение эксплуататорских (антагонистических) классов. Репрезентация фольклора как творчества угнетаемого либо освобожденного народа утрачивает актуальность. На первый план выдвигается, по-видимому, понимание фольклора как «творчества братских народов СССР». В науке о народном творчестве в 1930-е гг. возрождаются «дореволюционные» идеи и темы; происходит реставрация взглядов на фольклор как на «старину».

Меняется и отношение к теории Наумана: становится возможным, во-первых, отринуть противоречащую духу марксизма идею о том, что народное творчество — всего лишь испорченный слепок культуры эксплуататорских классов, и, во-вторых, — подвергнуть критике буржуазного (немарксистского и даже «фашистского») ученого и его возможных последователей.

Объектом критики оказывается вышедший в 1932 г. учебник Ю. М. Соколова «Русский фольклор», где автор еще в позитивном ключе излагает теорию Г. Наумана. По мнению Ю. М. Соколова, «несомненным фактом» является то, «что так называемые „народные“ произведения — былины, сказки, песни и пр<очее>, почитавшиеся прежними исследователями за „исконно-народные“, т. е. исконно крестьянские, часто таковыми по своему происхождению не могут быть названы. В результате детальных исследований оказывается, что очень многие из чрезвычайно популярных фольклорных произведений возникли не в толще «народной» (крестьянской) массы, а в господствовавших материально и политически, и, следовательно, более культурных социальных слоях: в феодальной боярской знати, дворянстве, торговом купечестве, а также в промежуточных слоях — духовенстве (многие духов-

¹⁴ Соколов Ю. М. О социологическом изучении фольклора : (Ответ проф. Юрию Поливке) // Литература и марксизм. 1928. № 2. С. 37—38.

ные стихи, заговоры и т. д.), мещанстве».¹⁵ Далее на протяжении нескольких страниц Ю. М. Соколов рассуждает о немецкой фольклористике: о Йоне Мейере, авторе книги «Искусственные песни в народных устах» (1906), который находил литературные источники для народных песен; его ученике профессоре Гансе Наумане, который продолжил работу своего учителя.¹⁶

Выход в свет этого учебника вызвал скандал. Ю. М. Соколова обвиняли в тенденциозности подачи материала: блатной и мещанской песням было посвящено около пятидесяти страниц, а колхозной — только десять.

В письмах к М. К. Азадовскому обрисованы проблемы, которые возникли в связи с изданием книги.

В письме от 1 ноября 1931 г. Ю. М. Соколов сообщает о планах написать четвертую часть учебника: «На днях засяду за составление 4-го и последнего выпуска, посвященного новым жанрам, — частушкам, переделкам романсов, фабричному фольклору, блатному фольклору, а также фольклорным жанрам самого последнего времени, создающихся в коллективизирующейся деревне. Этот наш общий с Борей¹⁷ курс я рассматриваю, как подведение итогов своей и Бори многолетней лекторской работы в вузах. На будущий год переработаю книгу и переиздам одним большим томом».¹⁸

В почтовой открытке от 7 июня 1932 г. имеются сведения о состоявшемся докладе Ю. М. Соколова и дискуссии по книге «Русский фольклор»: «У меня здесь в Москве ряд событий: 1). Мой доклад на п<убличной> лекции кафедры ЦИПКЗНО¹⁹ о задачах и перспективах фольклора и фольклористики с дискуссией о моей IV книжке „Русс<кого> фольк<лора>“, которая уничтожена (сдана в утильсырьё); меня упрекали гл<авным> о<бразом> в „непрорациональном распределении полож<ительного> и негативного материала“. Очень доставалось и Н<иколаю> М<ихайловичу>²⁰ как редактору. Однако все велось в <нрзб> хвалительных тонах, чтобы не показалось на какую-либо травлю специалиста. Отмежевались от меня (хотя опять-таки

¹⁵ Соколов Ю. М. Русский фольклор. Частушки. Мещанские и блатные песни. Фабрично-заводской и колхозный фольклор. М., 1932. Вып. 4. С. 34.

¹⁶ Там же. С. 34—35.

¹⁷ Имеется в виду Соколов Борис Матвеевич (7(19).04.1889—30.07.1930) — фольклорист, брат Ю. М. Соколова.

¹⁸ НИОР РГБ, ф. 542 (Азадовский М. К.), кар. 70, № 46, л. 14—14 об. (Письма Соколова Ю. М. к Азадовскому М. К. 1926—1933 гг. Письмо от 7 июня 1932 г., Москва).

¹⁹ Центральный институт повышения квалификации заочников народного образования.

²⁰ Маторин Николай Михайлович (1898—1936) — этнограф, религиовед и фольклорист.

очень осторожно) некоторые ученички (Мореева,²¹ Розенфельд),²² <нрзб> Скафтымов²³ и Рыбникова²⁴ и др. Тон задавал краевед Клабуновский (дир<ектор> ЦИПКЗНО). 2). Его статья о IV в<ыпуске> будет печататься в 4 № „Лит<ература> и язык в школе“, где будет (по моему предложению) напечатан и мой ответ. Пойду на <нрзб> к Горькому. Расскажу ему об ценнейшей книге».²⁵

Препятствия распространению учебника чинились и далее. «Сейчас какая-то канитель начинается вокруг моего IV в<ыпуска> „Русского фольклора“. После дискуссии руководство кафедры ЦИПКЗНО (института, издавшего книгу) чего-то напугалось и боится рассылать книгу заочникам. Я как следует не могу разобраться, что предосудительного или нежелательного находят в книге. Она прошла очень строгую цензуру в Главлит. Я не вижу никаких оснований к панике».²⁶

Отказ включать в учебные пособия для вузов разделы о блатной и мещанской песне отражен и в обсуждении учебника, подготавливаемого Институтом литературы в Ленинграде. В «Протоколе научного заседания отдела фольклора народов СССР ИЛИ АН СССР по обсуждению статей, представленных для I тома издания „Русский фольклор“ (3-й день конференции, утреннее заседание)» от 2 июня 1939 г. говорится:

«Ю. М. Соколов. Необходимо дать статью и о блатном фольклоре. Студенты спрашивают, почему их не вооружают правильной точкой зрения на блатной фольклор, не указывают, как надо его расценивать. Особенно такая статья нужна педагогам. В таком солидном издании мы не можем обойти блатной и мещанский фольклор. <...>

А. И. Никифоров. Скажу несколько слов в защиту необходимости изучения мещанского фольклора. И в городе, и в деревне имеет

²¹ Мореева Ангелина Константиновна (1902—?) — фольклорист (см.: Мореева А. К. Творческая помощь сказителям // Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг. : Сборник документов. М., 1994. С. 156—160).

²² Розенфельд Б. Л. (1896—?) — фольклорист.

²³ Скафтымов Александр Павлович (1890—1968) — литературовед и фольклорист. В 1924 г. опубликовал книгу «Поэтика и генезис былин» (Саратов; М.).

²⁴ Рыбникова Мария Александровна (1885—1942) — педагог, литературовед и фольклорист. Участвовала в совещаниях, организованных Всесоюзным домом народного творчества (ВДНТ) в Москве (см.: Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг. : Сборник документов. М., 1994).

²⁵ НИОР РГБ, ф. 542 (Азадовский М. К.), кар. 70, № 46, л. 24 об. (Письма Соколова Ю. М. к Азадовскому М. К. 1926—1933 гг. Письмо от 7 июня 1932 г., Москва).

²⁶ Там же, л. 31.

место мещанский фольклор. Необходимо учесть тот пласт, который спускает это фольклор в деревню. Важен для изучения и фольклор деклассированных групп. Мне часто приносят записи блатных песен. Как к ним относиться. Что делать педагогу в деревне, когда блатной фольклор идет в руки.

П. И. Калецкий. В 10 томе „Истории литературы“ будет дано отражение пинкертоновской литературы. С таким же основанием вопрос о блатном и мещанском фольклоре должен быть поставлен в издании „Русский фольклор“. Вопрос о рабочем фольклоре, вопрос о частушке не может быть изучен без преодоления мещанского фольклора.

М. К. Азадовский. Говорить о том, что такое явление существует, не приходится. Но если мы говорим о фольклоре деклассированных групп, то выдвигал же Е. В. Гиппиус проблему изучения дворянского фольклора. Почему тогда не изучать и студенческого фольклора, или почему не изучать анекдотов. Ни Веселовский, ни Всеволод Миллер не ставили вопроса о изучении анекдотов, как таковых. Все ли, что существует в устной форме, является фольклором? Основная наша установка: фольклор — народное творчество. К обсуждению проблемы об изучении блатного и мещанского фольклора надо еще вернуться.²⁷

Усиленная критика Г. Наумана была спровоцирована постановлением Всесоюзного комитета по делам искусства при Совнаркомом СССР о пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного, в котором теория «аристократического» происхождения фольклора объявлялась ошибочной. В газете «Правда» в статье И. Лежнева и Л. Тимофеева «Бедные люди» (газета «Правда» от 21 ноября 1936 г.) говорилось: «Что это за „странная наука“, которая ставит себе целью дискредитировать народное творчество и отнять его у народа? Кому выгодно утверждать, что народ получает культуру от высших классов? Фашистам, конечно. Это и доказывает всеми силами фольклористика фашистской Германии, в лице Ганса Наумана».²⁸

Историки фольклористики (Т. Г. Иванова, В. А. Бахтина) обращаются к теории Г. Наумана в основном применительно к его критике середины 1930-х гг.,²⁹ интерпретируя ее как прояв-

²⁷ РО ИРЛИ. Документы делопроизводства Отдела русского фольклора ИРЛИ. Протоколы заседаний 1939 г., л. 225.

²⁸ Соколов Ю. М. Русский былинный эпос. С. 172.

²⁹ Подробно историю «критики» сам Ю. М. Соколов изложил в статье: Соколов Ю. М. Русский былинный эпос. С. 171—196; см. также: Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинства и превратности научного знания). М., 2000; Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900—первая половина 1941 г. СПб., 2009; Богданов К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.

ление вторжения политики в науку. Т. Г. Иванова характеризует Ю. М. Соколова как последователя «исторической школы», указывая, что теория «княжеского» происхождения былины принадлежит учителю Соколова — В. Ф. Миллеру и не имеет отношения к немецкому фольклористу. В. А. Бахтина также склонна считать, что Ю. М. Соколов не был сторонником теории Наумана.

Несмотря на критику элитаристского подхода Наумана к фольклору, «отстаиваемый им тезис о социальных различиях внутри одной культуры в известном смысле соответствовал ленинскому положению о культурной дихотомии — сосуществованию в каждой национальной культуре двух национальных культур — буржуазно-помещичьей и церковной, с одной стороны, и демократической — с другой».³⁰

Отвечая на обвинения в увлечении идеями Наумана, Ю. М. Соколов подчеркивает: «я (в лекциях. — Н. К.) говорил, что даже те элементы, которые проникали в народ из культуры господствующих классов, и те не воспринимались народом пассивно, а подвергались творческой переработке, исходя из положения основоположников марксизма, что „мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями“» (*Маркс и Энгельс. О Фейербахе // Архив Маркса и Энгельса. М., 1924 г. Кн. 1*).³¹

Как утверждает К. А. Богданов, «именно советские фольклористы стали в итоге авторами эксперимента, масштабно продемонстрировавшего социальную реализуемость охаиваемой ими же теории Ганса Наумана о двух культурных слоях, составляющих в своей совокупности национальную культуру, — культуру цивилизаторской элиты и культуру низших слоев общества, с характерным для нее смешением примитивно-всеобщих (*primitive Gemeinschaftkultur*) и „сниженных“ культурных ценностей (*gesunkenes Kulturgut*)». Этот «эксперимент» выразился в «инициировании и редактировании текстов, которым надлежало считаться „фольклорными“».³²

Явно недемократическая и противоречащая духу марксизма теория Наумана оказалась «подспудно востребованной» в некоторых магистральных направлениях советской фольклористики — с ее помощью народ можно было воспитать по собственному плану. Точнее, по мысли Наумана, «спущенные сверху»

³⁰ Там же. С. 260—261. Но у Ленина (точнее — в марксизме) культура народа не является «спущенной» культурой, она творится самостоятельно и на самом деле выше элитарной культуры, идея, которая и была, по-видимому, камнем преткновения в критике Наумана в СССР.

³¹ *Богданов К. А. Vox populi*. С. 175.

³² Там же. С. 19.

ценности не были навязаны: народ сам выбирал, что ему нравится в «высокой»/господствующей/городской культуре. Согласно идеям немецких фольклористов, заимствование происходило непреднамеренно и случайно. Советские идеологи, напротив, всегда стремились к активной роли в формировании «вкуса» народа. Соответственно, вторым шагом после фиксации того, что имеет советское общество и «что поет деревня», было создание «советского фольклора», сконструированного и спущенного «сверху» в качестве нового «культурного достояния».

Сформулировав кратко, можно сказать, что популярность Наумана в 1920-х гг. связана с актуальностью социологического подхода в науке и востребованностью городского фольклора (который мог трактоваться как *gesunkenes Kulturgut*). Отказ от теории Наумана происходит в 1930-е гг. в связи с критикой «фашизма» и возвратом к изучению «песен народностей».

«Смена парадигм» государственной идеологии, вторгавшейся в фольклористику, предопределила «табуирование» определенных пластов народного творчества. Несмотря на то что возможность изучения «фольклора деклассированных групп», мещанского и блатного фольклора в 1939 г. все-таки обсуждалась (см. выше), собирательская, исследовательская деятельность, ведущаяся в этом направлении, была приостановлена. Показателен в этой связи и факт помещения публикуемой нами коллекции Л. В. Домановского в «особое хранение».

ТЕКСТЫ

В публикации представлены тексты из коллекции 193 «Особое хранение». Все песни, включенные в публикацию, извлечены из собрания Л. В. Домановского. Судя по указанию архивиста, это коллекции 99 и 111. В коллекции 99 была обнаружена единица хранения «Мещанские романсы, тюремные и блатные песни. Запись Л. В. Домановского 1937—1940 гг.». Довольно большое число песен из собрания Домановского, сохранившихся в виде обрывков и фрагментов, не имеющих указания на исполнителя и место записи, имеет соответствия (рукописные копии, перебеленные записи и др.) в этой единице хранения. Часть песен, имеющих соответствия, приведена нами по коллекции 99. Временные границы публикуемых текстов 1929(?)—середина 1960-х гг.

Автор публикации выражает особую благодарность хранителю фольклорного фонда РО ИРЛИ Я. В. Зверевой, предоставившей возможность работать с материалами коллекций, а также Н. Н. Рычковой за помощь в комментировании текстов.

Леонид Владимирович Домановский (21.03.1920, д. Доманово Новоржевского р-на Псковской обл. — 03.04.1968, Ленинград) был сотрудником Отдела фольклора ИРЛИ РАН с 1957 по 1968 г. В 1955 г. в ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию по теме «Освободительное движение первой четверти XIX в. в народном творчестве».¹ На протяжении многих лет он присылал свои полевые материалы в институт.

Одна из посылок с записями 1930—1940-х гг. адресована Н. П. Андрееву. Домановский в сопровождающем письме пишет ему: «Сейчас я решил пренебречь личным и выслать Вам часть своего материала, около 32 песен и 600 частушек, всего 6 тетрадей. На этот раз мне приходится отсылать Вам, я очень хорошо осознаю это, беспомощное сырье, может быть, даже затрудняющее дальнейшую обработку, т<ак> к<ак> я не дал различных требуемых сведений. Вполне понятно, что я знаю о своем материале больше, чем я сообщил, но я не знаю, что главное нужно сообщить, чтобы оно пригодились впоследствии. Как видите, мне едва ли известны самые элементарные правила. Поэтому мне бы очень даже хотелось услышать не только мнение о присланном материале, ценность его, но и, главным образом, беспощадную критику. <...> Обратите особое внимание на дореволюционные частушки (русские песни, запис<анные> от К. А. Скребцовой само собой), а также на частушки о тов<арище> Сталине, среди них есть немного избирательных, было бы очень своевременно их опубликовать. Будучи в Калининской области, я встречал много антисоветских частушек, я долго не решался их записывать и отослать вам сейчас, не зная, если в том какая-нибудь ценность. Они обречены на вымирание, но я думаю, „прикрывать“ их все же нельзя, т<ак> к<ак> они многое характеризуют, вернее, характеризовали. Если я не прав, то извините, что их послал Вам. Сообщите, имеются ли записи, подобные песням „Про Качаевскую Маню“, „Маня и Вася“.² Я заинтересовался их своеобразным построением, кроме того, они остались единственными и довольно распространенными в Новоржевском районе Калининской обл. Стоит ли высылать подобные?»³

Тексты публикуются с сохранением авторской орфографии. Сокращения раскрываются в угловых скобках, восстановленные слова и фрагменты слов — в квадратных. Значительное количество текстов переписано Домановским из альбомов. Фрагменты,

¹ Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 439.

² Названные Домановским песни обнаружены в коллекции не были. Однако в комментариях к другим городским песням они упоминаются.

³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 99 (Домановский В. Л.), п. 3, № 6—7 (Письма Л. В. Домановского 1938 г., 1940 г.), № 6, л. 1—2 (Письмо к Н. П. Андрееву).

неясные по смыслу, Домановский отметил многоточиями и знаками вопросов.

№ 1

Я — сын рабочего подпольного партийца.
Отец любил меня, и я им дорожил.
Но извела его проклятая больница.
Туберкулез его в могилу положил.

И вот оставшись без отцовского надзора,
Я бросил мать, а сам на улицу пошел.
А эта улица дала мне званье вора.
Так постепенно до решоточки дошел.

И так скитался я и с планом и без плана.
Я в лагерях бывал разочков 25.
А в тридцать первом с окончанием канала
Решил с преступностью покончить и порвать.⁴

⁴ Имеется в виду Беломорско-Балтийский канал. Он был построен с 1931—1933 гг. В песне ошибочно стоит дата начала работ, однако в других вариантах песни указан 1933 г. После завершения строительства значительное число заключенных — строителей канала — было амнистировано. Идея исправления преступника трудом тиражировалась во время постройки канала. См.: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства 1931—1934 гг. / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934. Книга о Беломорканале написана в рамках проекта «История фабрик и заводов», для которого советские фольклористы записывали фольклор рабочих. Ср.: «И конечно, только в стране, в которой вопрос — „кто кого“ — был решен окончательно, только в стране, быстрыми шагами идущей к бесклассовому обществу, только на основе социалистической пенитенциарной системы было возможно создать из профессионалов-воров — ударников-энтузиастов. И мы видели, как Беломорканал строили бывшие воры, карманники, спекулянты и рецидивисты. И сейчас, когда началось перевоспитание социалистическим трудом, тогда стали звучать в поэзии деклассированных совсем иные мотивы.

Эх, прощай моя жизнь воровская,
И картежная с нею игра.
Не махну уж ножом у виска я,
Все бывшее — как дым от костра.
Никогда уж не буду я вором,
Не попутчик вора, не собрат,
Эй, студеное Белое Море!
Твоей свежести очень я рад... —

писал в своем стихотворении один из заключенных, работавших на Беломорканале» (*Цехновицер О. В.* [Тюремные песни] / Вступ. статья и подгот.

Я прибыл в город (позабыл его название).
Решил на фабрику работать поступить.
Но мне сказали: «Вы отбыли наказание,
И просим адрес наш покаместь позабыть».

И так скитался я от фабрики к заводу,
Везде я слышал один и тот ответ.
Скажите, граждане, скажите же мне, вору,
Какую жизнь я райскую нашел?

Поверте, граждане, как трудно исправляться,
Когда правительство на встречу не идет.
И мне пришлось еще по лагерям скитаться.
Кому пришлось, тот сразу же поймет.

№ 2

Камера сорок вторая,
Там тихо томится бандит.
Пайки⁵ своей не брал он,
С голоду сильно ослаб.
Центральной кассации ждал он.
«Если Калинин⁶ откажет,
То расстреляют меня.
Руки мне, ноги свяжут,
Только настанет заря».
Тут слышу, ключи прозвенели,
Громко прокликнул конвой:
«Довольно, мальчишка, томиться
И ждать избавленья себе.
Пойдем, мы тебя успокоим
На двадцать четвертой версте».

текстов Т. С. Царьковой, коммент. М. Л. Лурье // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2012. С. 486).

⁵ *Пайка* — все казенные продукты (хлеб, баланда), положенные по закону заключенному.

⁶ Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — советский государственный и партийный деятель.

МЕЩАНСКИЕ РОМАНСЫ, ТЮРЕМНЫЕ И БЛАТНЫЕ ПЕСНИ

Переписано из записной книжки Островецкого Ивана Максимовича, бывшего в лагерях (№ 3—8)

№ 3

Горит свеча в вагоне тускло

Горит свеча в вагоне тускло,
Казачи все спокойно спят.
Лишь поезд наш несется лихо,
Лишь только слышно тах-тах-тах.
Один казак он одинокий,
Склонивши голову на грудь,
Тоска по родине далекой;
— Придется дома отдохнуть?
Ах, мать моя родная,
Зачем на свет меня пустила,
Судьбой несчастной наградила
И жизнь тюремную обрекла.
Бушлат и шапка-арестантка,
Меня услонцем⁷ назвала.
Тюрьма меня переродила,
Тюрьма свободу отняла.
И вот начал повал баланов,⁸
Один лежал уж без ноги,
К нему подбег же арестанец.
— Давай-ка, братец, перевяжу.
Давай-ка, братец, перевяжу
И на носилки положу.
И в дом по Мурманской дорожке⁹
Я в Соловки тебя отвезу.

№ 4

Побег

Между топких болот пробирались
Три удалых, лихих молодца

⁷ *Услонец* — (от УСЛОН или СЛОН) с 1923 г. Управление Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения ОГПУ.

⁸ *Баланы* — еловые отрезки длиной 6 м; бруски. — Пояснение И. М. Островецкого.

⁹ Аллюзия к популярной песне «По Муромской дорожке». На Русском Севере была распространена переделка «По Мурманской дорожке».

Туда всеми силами рвались,
Где их ждали родные сердца.
Завезли их в края отдаленны,
Где болота и водная ширь.
За вину их, давно искупленную,
Заключили в былой монастырь.¹⁰
Но попала на душу кручина,
Переполнила сердце тоской.
И решили тут трое молодчиков
Пробираться обратно домой.
Трое суток бежали без устали,
А потом захотелось им отдохнуть.
Кстате в поле сарайчик заброшен,
Не мешало б прилечь и заснуть.
Но случайно, неожиданно, негаданно
Вдруг погоня на них набрела.
Их обратно вести не приказано,
Знают, судьба их была решена.
И вот снова Онежской дорогой
Беглецов мирно сторожа вели,
Тридцать верст провели и одумались.
Что случилось здесь, каждый поймет.
Где васнуется рожь, колыхается,
И опять потянулись леса
У дороги три трупа валяются,
То застрелены три беглеца.
Не придет мать с горячей молитвою
На могилу сыночка рыдать,
Об убийстве далеко на Севере
Ей нескоро придется узнать.
Не придут ни друзья, ни товарищи
Долг последний усопшим отдать,
Только лес погребальное пение
Вечно будет об них вспоминать.

№ 5

За тюремной кирпичной стеной

За тюремной кирпичной стеной
Молодой арестант помирал,
Он, склонивши на грудь головою,
Потихоньку молитву шептал:
— Ой, всевышний творец,
Дай мне силы подышать

¹⁰ Намек на Соловецкий монастырь.

Еще несколько дней,
Дай проститься с женой молодой
И обнять престарелую мать.
Перед смертью тяжелые цепи
Помогите на ногах мне порвать.
Очень рано с семьей разлучили,
Заключили в сырую тюрьму,
Осудили меня невиновно,
Скоро, скоро я, бедный, умру.
Заходит кузнец наш, тюремщик,
С молотком и зубилом в руках
— Ну, товарищ, давай свои ноги,
...брат отходил в кандалах.
Разлетелись тяжелые цепи
От удара привычной руки...¹¹

№ 6

Спишь ты, спишь, моя родная

Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь в земле сырой,
Я пришел к твоей могиле
С горем и тоской.
Я пришел к тебе, родная,
Чтоб тебе сказать,
Что в меня теперь вторая
Есть на свете мать.
Что твой муж, тобой любимый,
Мой отец родной,
Твоему бедняги сыну
Стал совсем чужой.
Никогда твоих, родная,
Слов мне не забыть,
Без тебя, моя родная,
Плохо стало жить.
Все слова твои, родная,
Сбылись они,
Встань же, встань, моя родная,
На меня взгляни.
С него дождик льет осенний,
Холодок знобит,
У твоей сырой могилы
Сын бедняк стоит.
В старом рваном зипунишке,

¹¹ Здесь запись обрывается, у Домановского — знак вопроса.

В ветхих сапогах,
И душа моя печальна,
Слезы на глазах.
Приюти меня, родная,
Здесь в земле сырой,
Будем спать мы сном спокойным
Рядышком с тобой.

№ 7

Тюремная

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла
И родному она сыну
Передачу принесла.
Надзирателю сказала
Справедливые слова:
— Ноги старые устали,
Сорок верст пешком прошла.
Передайте хлеб сыночку,
А то люди говорят,
Что в тюрьме так заключенных
Сильно голодом морят.
Надзиратель усмехнулся:
— Твой сыночек осужден,
Осужден у прошлой ночи,
На покой отправлен он.
Расстреляли его ночью
У тюремной у стены,
Когда приговор читали,
Знают звездочки одни.
Побледнела мать-старушка,
Пошатнулася она.
У привратника невольно
Покатилась слеза.
— Я купила хлеб сыночку
За последние гроши,
Так отдайте заключенным
На помин его души.
Повернулась мать-старушка,
От ворот тюрьмы пошла,
И никто про то не знает,
Что в душе она несла.

№ 8

Вот в темнице несносной
Разбойник там сидел,
Ждал смерти позорной.
Он сам про то говорил:
Так скоро я дождуся к себе палача,
Я сам разочтуса с виною своей.
Не долго со слезам судьей я своих умолял,
Што быть мне на казни,
Хотят меня наказать.
Кладите жарчее костры вы,
Источите вострее ножи вы для меня,
Берите, спалите разбойника на огне,
Не плачьте, не тужите, друзья, вы обо мне.
Я казни достоин, тово я заслужил,
Я в поле был воин, рубил и губил.
В лесах я в дубровых
На всех я нападал,
Как сокол на птицу,
На всех я налетал.
Чужих слез, моленья
Ни отково я не принимал,
Моего сожаленья
Никто не видал.
Вот, рок ты мой несчастный,
Зачем я суда попал,
Булаг мой превострый,
С которым я гулял?
Теперь бы я помчался
К родной стороне,
С родным повидался,
Жалеют обо мне.
Прос[ти], мои родные,
Предобрые мои друзья,
Все уже мои были злотые,
Прекрасные были места.
Вдруг застучали солдаты в дверях,
Штыки заблистали в разбойника в глазах,
Разбойник кознулся своей поникшей головой,
Вдруг цепи рванулись, с разбойника цепь долой.
— Берите, ведите в позорный ваш приют.
Палач развернулся, разбойничка нет,
Дрочите вы, злодеи, на воле,
Я от вас иду, героев удалых я под вас подведу.
Герои удалые разограблют и вас,
Булаг мой преострый, показнит он вас.

Записано от молодого человека, бывшего в лагерях (№ 9—12)

№ 9

Поехал казак на чужбину

Поехал казак на чужбину далеко
На добром коне на своем вороном,
Он свою родину навеки спокинул
...¹² не вернуся в отеческий дом.
Напрасно козачка, жена молодая
И утро и вечер на север глядит,
Ждет, не дождется с восточного края,
Откуда мой милый казак прилетит.
Там за горами, где метелицы вьются
И сильно морозы зимою трещат,
Там на лужочки, там на зеленом
Козацкие кости под снегом лежат.
Казак умирает, друзей умоляет
Насыпать бугорчик земли в головах,
Пусть на могилы калина родная,
Качаясь красуется в ярких цветах.

№ 10

Ах, зачем эта ночь

Ах, зачем эта ночь
Так была хороша.
На балела бы грудь,
Ни страдала душа,
Птицей [в] роще ветвей
Саловой громко пел.
И с любовью моей
Я ей в очи глядел.
Полюбил я ее, полюбил горячо,
А она на любовь смотрит так холодно.
Ни понравился ей моей жизни конец
И с пастылым назло пашла под венец.
Ни видала она, как я в церкви стоял,
Прислонившись к стене, безутешно рыдал.
Звуки вальсов неслись...

¹² Здесь пропуск в записи, у Домановского — многоточие и знак вопроса.

.....¹³ дом,
Я в каморку свою пробирался с трудом,
И всю ночь напролет я все думал о ней,
Каково будет жить век без милой моей,
Вышел на берег я, небосвод голубой,
Любовался стоял я над Волгой рекой.
Волга в волны свои молоца приняла,
По волнам по воде одна шапка плыла.

№ 11

Гоп со смыком

Граждане, послушайте меня,
Гоп со смыком — это буду я.
О так, друзья, послушайте меня,
Ремеслом я выбрал кражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
И так я пью, и пью, и пью,
Гражданам проходу не даю.
По трамваям я летаю,
Расаков перегоняю,
Сам без фонаря домой нейду.
Если морда не побита,
Не достоин ты бандита, —
Так заведено в районе нашем.
Если в раю бог не поможет,
Не дам проходу сатаны.
Брын¹⁴ дубовый я достану,
Чертенят полохат¹⁵ страну:
«Почему нет водки на луны?»
Иван Предтечи там без головы
Имеет свои фабрики халвы.
Блядь я буду, не забуду
Искалечу я Иуду,
Знаю, где червонцы он кладет.
И так, друзья, вы все живите,
На тот свет скорее спешите,
Пейте, нюхайте, курите,

¹³ Здесь пропуск в записи, у Домановского — знаки многоточия.

¹⁴ Видимо, следует читать «дрын»; дрын — длинная палка, дубинка или что-л<ибо> другое, обычно предназначаемое для удара (Словарь русского аргю. http://gramota.ru/slovari/argu/53_3473. Дата обращения 27.01.2013).

¹⁵ *Полохат* — пугать; ударить, сильно ударить (Словарь русских народных говоров. Л., 1995. Вып. 29. С. 129).

Только место там не шухерните.¹⁶
А если место шохернете,
К чорту в лапы попадете,
Он вначале отдубасит,
Фонарями изукрасит,
И не бывать уж вам в Москвы.

№ 12

Лодарь-отказчик — это я

Лодарь-отказчик — это я (да, да).
Граждане, послушайте меня.
Спою вам песню эту,
Без меня еще не пета,
Как живут филоны¹⁷ в лагерях.
Хлеба получаем триста грамм,
А к вечеру в желудке тара-рам.
И как волк по нарам свищешь,
Пайку хлеба треснуть ищешь,
Но за это ходишь с фонарем.
И как только я шамовку¹⁸ наберу,
Ищу себе партнера на буру.¹⁹
Целу ночь я с ним играю,
Все другое забываю,
А утром от развода убегу,
А от развода же мы прячемся под нары,
Да не один, а три-четыре пары,
Нас [начальник?] выгоняет
И работать заставляет,
С ним заводишь тары-бары,
Кроешь его матом, как хотишь:
«Что же, лагерный придурок, ты молчишь?
Ведь ты знаешь, что в субботу
Мы не ходим на работу,
А у нас суббота через день».
А если на работу мы пойдем,
То ни на шаг от костра мы не отойдем,
Разобьем друг другу лица,

¹⁶ *Шухерить, шухернуть* — гнать, прогонять, пугать; расправляться (Словарь русского арго. http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_16737. Дата обращения: 27.01.2013).

¹⁷ *Филон* — тот, кто уклоняется от работы, лентяй, лодырь.

¹⁸ *Шамовка* — еда.

¹⁹ *Бура(ы)* — разновидность карточной игры. (Словарь русского арго. http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_1171. Дата обращения: 05.07.2014).

Растеряем рукавицы,
На костре все валенки сожжем.
А если ты соскучился по дому,
То [летишь] с записочкой к [лагому? — Н. К.],
Скорчишь клюквенную рожу —
Мигом пальцы отморожем.
И освобождение прошу
Так [идут недели и года],
Чтобы не работать никогда.
Каждый день я так гуляю.
Если хочешь, я сыграю,
Карты у меня всегда.

Записано от молодого человека (инвалида от рождения)
(№ 13)

№ 13

Пастушка

Как-то раз по весне пасла стадо овец
Чернобровая Катя-пастушка,
И понравился ей покровитель сердец
Белокурый красавец Андрюшка.
«Бросим, Катя, с тобой деревенскую жизнь
На веселую жизнь городскую,
Изукрашу тебя всё я в бархат, шелки
И куплю шляпу большую».
Вот проходит уже год, а Андрея все нет,
И не едет в деревню за Катей.
Взяв ребенка с собой, проклиная судьбу,
Едет в город разыскивать батьку.
Научилась она русско-горькое пить,²⁰
И ребенок у ней тут скончался.
Научилась она по панелям ходить,²¹
Белокурый навстречу попался:
«Здравствуй, миленький мой
Мужик и отец,
Я давно тебя здесь ожидаю».
Он кудрями взмахнул, белокурый подлец:
«Я тебя ведь не знал и не знаю».
За насмешку его, за поругану честь
На панели ему отомстила.

²⁰ В других вариантах — «водку горькую».

²¹ Т. е. заниматься проституцией.

№ 14

Катюшенька

Дело было так, в лето жаркое,
На опушке сосновой лесной.
Все поведаю без утайки,
Я о любви расскажу роковой.
С каждым годом все расросталось
Небольшое село средь полей.
В том селе жила раскрасавица,
Было имя Катюшенька ей.
Чернобровая и румяная,
Обжигала своей красотой.
И Катюшеньку в утро ясное
Повстречал человек молодой.
Очи карие взглядом встретились.
Этот взгляд Катеньку приметил,
И Катюшенька познакомилась,
Стала гулять она с ним.
Но за кем беда не встречается:
Он Катюшеньку стал забывать.
Дни и ноченьки стала Катя
Грустить, тосковать.
Вот подъехала лодка к берегу,
Вышла парочка в лес погулять,
Прислонилась близко к дереву,
Стала тихо о чем-то шептать.
«Наслаждайтесь, мои милые,
Любоваться над вами пришла».
И с последнею своей тут силою
Реворвер тут на них навела.
И раздалось тут два выстрела,
У опушки у самой сосны,
И соперники повалилися,
Трупы взяли к себе тростники.
Третьей пулею, что осталась
В реворвере у ней на запас,
Третьей пулей жизнь окончила, —
Так печален этот рассказ.
Прошло полгода, выпал первый снег,
Пострадала душа не одна,
А на месте том лишь осталась
Раскудрявая большая сосна.

Переписано из альбома Кошелевой Марии Васильевны, ученицы 6-го класса (№ 15—18)

№ 15

Кухарочка (песня) (На мотив «Коробочки»)

Всей душой полюбил я кухарочку,
Все коклеты готов я сожрать,
Разукрашу рогожей кибарочку
И с клопами поставлю кровать.
На кроватку из стружек перину
И ковер из навозных цветов,
Наряжу я ее, как корзину,
И отдам это все за любовь.
Чудный сад разведу я в Кубани,
Где так нежно поет воробей.
Под душистою веткой крапивы
Целовать ее буду нежней.
А как только о том я узнаю,
Что цыганочка мне неверна, —
Наказанье такое придумаю,
Захохочет и сам Сатана.

№ 16

Пролетарочка

На заводе была парочка.
Он был слесарь, рабочий простой,
А она была пролетарочка,
Всем известна своей красотой.
И она ему полюбилася,
Что не мог он свой взгляд оторвать,
Кажду ноченьку ему снилася,
Как увидел ее в первый раз.
Как-то они повстречались.
Он стоял перед ней как шальной,
А она ему улыбалася
И сказала: «Иш, добрый какой!»
«Пролетарочка черноокая,
Ты душистый весенний цветок.
Ах, ты, жизнь моя одинокая,
Пожалей хоть молодца разок».

А второй-то раз повстречались
В том саду, где поет соловей.
Целовал ее, миловал.
И шептал, что ты будешь моей.
За работою, за машиною, —
Он так думал, — что я проживу,
Заработаю два с половиною
И ей красный платочек куплю.
И пришла беда, не миновалась,
Что при жизни, она померла,
Молодая жизнь закатилась —
Под машину попала она.
Прибежал он и к ней на грудь упал,
На душистый, измятый платок,
Целовал ее губки алые,
Целовал он ей красный платок.

№ 17

Мать

Мать лежит в гробу,
Избрана в последний раз,
А ребенок удивленно
С тех цветов не сводит глаз.
И звучит неумоимо
Серебристый голосок:
«Мама, подари мне
Хоть один цветок».
Но ответу не дождался,
Сам с собою говорит:
«Мама спит, когда проснется,
То, наверно, подарит...
Няня, няня, расскажи
Мне всю правду и не скрой:
Умерла ль моя мамаша,
Умерла иль крепко спит?»
«Умерла твоя мамаша,
Ей там вечный упокой,
Вон там мамин стоит гробик,
Вон там в комнате большой».
Побежал туда малютка:
«Мама, мама!» — и затих.
Разорвалось детско сердце,
И хоронит обоих.

№ 18

Коля

Двенадцать часов ночи
Шел Коля домой,
А Настиньки ребята
Кричат: «Коля постой».
Коля остановился.
Они кругом его:
— Сейчас Колю зарежем,
Сейчас Колю уьем.
— За что же вы, ребята,
Товарища своего?
Из круга отвечают:
— Зарежем все равно...
— Товарищ ты мой милый,
В деревню ты беги,
И на вот тебе денег,
Извозчика найми.
— Извозчик, ты, извозчик,
Скорей лошадь гони.
Он кровью истекает
От финских от ножей.
Двенадцать часов ночи
Все с фабрики идут,
А Колю в чистом поле
На кладбище везут.
Зачем было влюбляться,
Зачем было любить?
Не лучше тебе Коля
Иру²² позабыть.

Записано от Алексеевой Нюши, ученицы 4-го класса (№ 19)

№ 19

Отец-зверь

Первый факт опишу я вам,
Кто не слышал, могу я пропеть.
Этот случай был в одном городе,
Как отец мог детей своих сжечь.
Этот случай был близ Саратова

²² Ире песня посвящена переписчицей. Отсюда изменение имени. —
Пояснение Л. Д. Домановского (РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 20).

И зовется тот город Петровск,
Там жила семья небогатая,
Мать больная лежала, точно воск.
Долго мучилась мать-страдалица
И спокинула весь белый свет,
Лишь оставила двух детей своих
И дала им последний совет:
«Милые детушки, спокладаю вас,
Трудно будет без мамы вам жить,
Не причешут вас, не умоют вас,
И придется раздетым ходить».
Схоронил ее одинокую,
И отец для детей стал чужой
Он нашел себе жену новую
С злобным сердцем и коварной душой.
И не раз и не два говорила она:
«Давай уничтожим детей,
Печь мы вытопим и сождем мы их,
И вдвоем будет жить веселей».
По словам они это сделали,
Отец печку скорей затопил.
Сына младшего завязал в мешок,
Мигом в печку его посадил.
Его девочка сказала: «Папочка,
Завяжи мне от страха глаза,
Чтоб не видеть смерть ужасную,
И попростимся с тобой навсегда».
Завязал глаза своей девочке
И хотел ее в печку бросать,
Увидала здесь бабка родная
И на помощь людей стала звать,
Ворвался народ — спасли девочку,
А уж мальчик-то мертвый лежал,
Все лицо его обгорелое
Страх кошмарный людям придавал.
Тут забрали их с женой красавицей
И в Петровский исправдом отвели,
Дали комнату уютную,
И дождутся судебной поры.
Ах, отцы, отцы, вы жестокие,
Как не жалко своих вам детей,
Убиваете и сжигаете
Из-за мачехи подлой своей.

Записано от Федоровой Александры Федоровны, учительницы начальной школы (№ 20, 21)

№ 20

Любовь, все знают, хороша

Любовь, все знают, хороша,
Когда взаимная бывает.
Но часто в случаях она
У многих жизнь отрывает.
Я много песен перепел,
Сейчас спою одну пред вами,
Судили девицу одну,
Она дитя была годами.
И вот настать ей должен суд.
Зал наполнен был народом,
И судьи все уселись в круг,
Конвой очистил ей дорогу.
Она просила говорить,
Ей судьи в том не отказали...
Когда окончила она,
То зал наполнен был слезами.
«Смотрите, чем не хороша?
Мой взор не омрачен годами,
Смотрите, вот моя душа,
Она открыта перед вами.
Глубоко гордость затаил,
Свое молчанье я нарушу.
За что он полюбил меня,
За красоту мою аль душу?
Среди товарищей-друзей
Он издевался надо мною,
Он гордо хвастался другой,
Не дорожил, безумец, мною.
Он гнал на улицу меня,
Я со слезами уходила... —
И горько плакала она,
Свое бывшее вспоминая. —
Однажды выгнал он меня,
Я отомстить ему решила.
Я нож вонзила ему в грудь,
О, судьи, я его убила...
Я снисхождения не прошу,
Я признаю себя виновной,
Так вы судите поскорей,
А то и так уж сердцу больно».
Вдруг притаилась она,

Последний вздох в груди раздался,
А приговор в руках судей
Так не дочитанный остался.

№ 21

Позадумал я жениться

Позадумал я жениться,
Взял приданно небольшое:
Ножик, вилки, полбутылки,
Сам парнишка небольшой.
Привет: Чал мин куна, кул мин чана
Чан мина, кулмин чан,
Мы торгуем баклажанами,
Кулмин мина, кулмин чан.

Думал женка не помеха,
Сам парнишка небольшой,
А как прожил с ней полгода,
Народился сын второй.
Привет.

Вижу дело уж тут плохо,
Я от женки убежал
На Украину далеко,
Чтобы глаз их не видал.
Привет.

Там на шахте я работал,
Много денег получал.
Не о чем я там не думал,
Но вышел большой скандал.
Привет.

Вдруг повестку получаю —
Срочно ехать в Ленинград.
А кому я там так нужен?
Сам известно не рад.
Привет.

Вот приехал, заявился,
Вызывают меня в суд.
Там я с женкой повстречался,
Заболела моя грудь.
Привет.

Я судей спросил, в чем дело,
Отвечайте мне скорей?

Суд ответил, что я бросил
Шестерых своих детей.
Припев.

Эх, товарищи вы судьи,
Я им вовсе не отец,
Я и брал ее с ребятами,
Вы поймите, наконец.
Припев.

Обращусь ко всем мужчинам,
Всяк пример с меня бери,
Кто задумает жениться —
Без детей жену бери.
Припев.

Переписано из альбома девушки (№ 22, 23)

№ 22

Песня про Валию

Это было недавно
В двадцатом году,
Любил гимназистку
Я Валию одну.
Гулял я с ней год,
Гулял я с ней два.
Она изменила
Меня молодца.
Гулял я на свадьбе,
Гуляла одна,
Своим ухажором
Дразнила меня.
Я был растерзанный
И сам не в себе,
Искал я нагана,
Наган был при мне.
Стрелять я не буду,
Письмо напишу.
Пишу письмо Вали,
Ответа прошу.
На утро все встали,
Пошли пировать,
А я пошел к Вали,
Дела разбирать.
Пришел к Вали в зал

И стал говорить:
«Ох, Валечка, Валя,
Бросаешь любить».
Даешь мне измену,
Стреляю в себя,
Назад отвернувшись,
С нагана в тебя.
Вот выстрел раздался —
Народ побежал,
А Валечкин папа
Меня задержал.
«Ой, миленький папа,
Ты Мишу не тронь,
Во всем виновата
Здесь наша любовь.
Ой, милая мама,
Привет передай
Родным и знакомым
Подругам моим».
Подруги вздыхали,
Наутро пришли,
Гроб на руки взяли
И Валю несли.
А Миша над гробом
Стихи сочинял,
Увидевши Валю,
Без чувства упал.
Пришел Миша в чувство,
Спросил: «Валя где?»
А Валя зарыта
В сырой во земле.
Теперь за решеткой
Сижу я один.
Однажды подходит
Ко мне гражданин.
Товарищ, товарищ,
За что ты сидишь,
Сижу за убийство,
Я Валю убил.

№ 23

Нюра

Что вы, граждане, припечалились,
Я хочу вам сейчас рассказать,
Нередкие были случаи,
Брат сестру приглашает гулять.

Поздно вечером возвращается,
Возвращается Нюра домой.
Отпустил ее прочь от публики.
И потом кричит: «Нюра, стой!».
Подошел он к ней аккуратненько
И хотел правой рукой обнять,
И начал ее уговаривать:
«Давай, Нюра, со мною гулять».
«Что ты, братец мой, не с ума ль сошел!
Как не стыдно тебе говорить?
От людей-то нам будет совестно
И про нас будут все говорить».

На базар осенью отец с матерью
Повезли они рожь продавать.
Зашел в комнату и сказал:
«Вот теперь никуда не уйдешь».
Преступление совершилось
И не вынесла это она.
Тогда в груди разрыв получилась,
Испугался брат, пишет грамоту
И оставил ее на столе,
Взял веревочку и повесился
На своем на простом чердаке.
Возвращается отец с матерью,
Платье Нюры купили они,
Зашли в комнату — видят мертвую,
И записка лежит на столе.
И в записке этой сказано:
«Вы ругайте меня, отец-мать,
Ни в чем Нюлочка не виновная,
Во всем виноват я, подлец».
По лицу отца слезы капали,
Без сознания здесь сделалась мать,
Вы, товарищи, собирайтесь,
Хулигана из петли тягать.

Записано от Павлова Миши, мальчика 12 лет (№ 24—26)

№ 24

Там в саду при долине

Там в саду при долине
Громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине

Позабыт от людей,
Позабыт, позаброшен.
С молодых юных лет
Я остался сиротою,
Счастья в доле мне нет.
Прогудел гудок протяжный,
Все рабочие идут,
А черкесы в это время
Там облаву ведут
В неожиданной облаве
Бедный мальчик попал,
Окруженный двум мильтонам,
Уголовно шагал.
Был он в кожаной тужурке,
Был он в кожаных штанах,
Был он в кожаной фуражке,
Два нагана в руках.
Привели и посадили
И сказали: «Сиди».
И наутро объявили,
Что ты будешь убит.
Открывается темница,
Вошла шайка палачей,
Повели они Ваню
К смертной казни скорей,
Повели по переулкам,
Кто-то крикнул: «Беги».
Двадцать пуль ему вдогонку,
Семь застряло в груди.
На столе лежит покойник,
Ярко свечи горят,
Это был убит налетчик,
За него отомстят.
Вот умру я, умру,
Похоронят меня,
И родные не узнают,
Где могилка моя.
И никто не узнает,
И никто не придет,
Только раннею весною
Соловей пропоет.
Пропоет и прощечечет
И опять улетит,
И родные не узнают,
Где бедный мальчик лежит.

Песня про Васю Акулинского
(первый вариант)

Вы послушайте, ребята,
Песню новую спою
Про Акуловского Васю,
Про его горьку судьбу.
В понедельник праздник был,
Вася на ярмарке ходил,
Вася по ярмарке ходил,
С красноармейцем сердит был.
Стали в чайну собираться,
Стали к Васи поддираться,
Разгорелась в Васе кровь,
Вася из-за столика в порог,
Вася из-за столика в порог,
Красноармейцу ножик в бок,
На лошадушек садились.
Стали Васю догонять,
На селе Васю догнали,
Стали Васю стрелять,
На могилочку вели,
В ручки палочку дали,
На коленки ставили,
Яму копать заставили.
Пулю в сердце, пулю в грудь,
Вася не мог не охнуть, не вздохнуть.
«Дорогой товарищ мой,
Сходи в Акулово домой,
Скажи папаши моему,
Что не работник я ему,
А работник полевой
Лежу в могиле кровавой,
Растянулись ноженьки».
Полно ясенькому солнышку
По Акулову светить,
Полно Акуловскому Васе
По гуляночкам ходить.

Песня про Васю Акулинского
(второй вариант)

Вы послушайте, ребята,
Песню новую спою.
Про Акуловского Васю,
Про его горьку судьбу.
Мама Васю уверяла
На семнадцатом году:
«Гуляй Вася посмирнее,
Не втеряешь голову».
Вася маму не послушал,
Шел на ярмарку гулять.
Стали в чайну собираться,
Сидел Вася за столом.
Стали к Васе поддираться,
Закипела в Васе кровь.
Вася шапочку в порог,
Комсомольцу ножик в бок.
Комсомольцы выскочили:
«Куда Васю упустили?»
Кто видел, тот сказал:
«Вот туда Вася бежал».
Васю на конях догнали
И с винтовочки стреляли.
«Стой, Васютка, милый друг,
Не уйдешь из наших рук».
Васю к стенке приставляли,
Больше страху придавали.
Васи лопаточку дали,
С собой на кладбище веди,
На коленки ставили,
Яму рыть заставили.
Братец милый мой,
Сходи в Акулово домой,
Скажи папаши моему,
Что не работник я ему.
Скажи маменьке моей,
Больше не видываться с ней.
Скажи брату моему,
Что всю наряду отдаю.

№ 27

Песня про Васю Акулинского
(третий вариант)

Вы послушайте, ребята,
Песню новую спою
Про Акулинского Васю,
Про его горьку судьбу.
Сынок Вася зародился
В девятьсот втором году.
С обрезаночкой носился
Не заметно никому.
Матка Васю уверяла
На семнадцатом году:
«Гуляй Вася посмирнее,
Не втеряешь голову».
Вася матку не послушал,
На гуляночку пришел.
Народ в чайну собирался,
За столом Вася сидел.
Стали к Васе поддираться,
Закипела в Васе кровь.
Стали камешкам кидаться,
Вася шапку под порог,
Милиционеру ножик в бок.
Тот, кто видел, не сказал,
Куда Васенька бежал.
Мужики сразу сказали,
Что в овес Вася бежал.
Васю на конях нагоняли,
Из винтовочек стреляли.
Когда Васеньку догнали,
Его сразу обыскали.
[На]шли ножик, пистолет, —
В посаде Васи нет.
Притянуло Васи руки
Про себя яму копать.
Дали лопату ему в руки,
Повели на кладбище.
Когда ямочку копал
И поклоны отсылал:
«Передайте маменьке моей,
Что не будет Васенька у ней,
Передайте вы отцу моему,
Что не работник я ему.

Передайте брату моему,
Что всю наряды отдаю.
Передайте всей моей семье,
Что не будет Васенька в родне.
Когда поклоны отослали
И скомандовали: «Стреляй»,
Первая пуля улетела,
Убить Васю не хотела:
Вторая пуля прямо в лоб,
Вася схватился за столоб;
Третья пуля в голову,
Упал Вася на траву.

Записано от Соколовой Клавдии, 52 лет (№ 28)

№ 28

Напрасно, девица, страдаешь

Напрасно, девица, страдаешь,
Напрасно думаешь о нем,
Он всё одно тебя не любит,
Он любит карты и вино.
Тебя тоска в могилу сгонит,
Ему бродяге всё одно.
Недолго все так продолжалось, —
Красотка скоро померла,
Тело мертвое не держат,
Тело нужно хоронить.
Родные в тра(в)уре стояли,
Гроб черным бархатом обит.
Горели свечи восковые,
В гробу красотка крепко спит.
А перед гробом на коленях
Стоял красавец молодой,
Шептал он бледными устами:
«Прости, что сделал я с тобой.
Не знал, не знал, что меня любишь,
Не знал, что любишь ты меня.
Теперь узнал, когда в могиле
Из-за любви в землю пошла».

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 18, Материалы из архива Л. В. Домановского (кол. 111).

Ф. Жиганец отмечает, что одним из популярных мотивов, на который исполняется эта песня — «подражание мелодии известной „воровской“ баллады («Судьба во всём большую роль играет»)». «Биография» главного героя, когда вором становится сын партийного рабочего, обретает актуальность после партийных чисток 1937 г.: «Например, бывший „вор в законе“ Михаил Дёмин, ставший позже писателем, тоже происходил из семьи „подпольщика-партийца“, и его семья подверглась репрессиям. В результате Дёмин оказался на уголовном „дне“» (*Жиганец Ф.* Блатная лирика : Сборник. Ростов н/Д., 2001. Цит. по: <http://a-resni.org/dvor/jasynrabotch.php>. Дата обращения: 27.01.2013). «Дёмин, автор песни, пел ее в конце сороковых во время этапа на 503-ю стройку, т. е. на строительство восточного участка так называемой „Мертвой дороги“ Салехард—Игарка» (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940—1991). М., 2001. С. 308). Возможно, Михаил Дёмин (Георгий Евгеньевич Трифонов) был автором этой песни. Известны контаминации с песней «Зачем растратчиков нам брать из Ленинграда?..». Джекобсоны выделяют три варианта песни (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 374—376). Варианты: *Джекобсон М., Шерер Д.* Песни советских заключенных как исторический источник // Живая старина. 1995. № 1. С. 9—10; *Шелег М.* Споем, жиган... : Антология блатной песни. СПб., 1995. С. 169—170; В нашу гавань заходили корабли : Песни / Под ред. Э. Н. Успенского. М., 1996. С. 79 («Я сын рабочего, подпольщика-партийца»); Уличные песни / Сост. Добряков Алексей. М., 1997. С. 28; *Жиганец Ф.* Блатная лирика. С. 286—288, и др.

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 27, л. 1, кол. 111, Домановский Л. В., п. 1, № 41, л. 40—40 об.

Мещанские романсы, тюремные и блатные песни

Примечание собирателя: «Данные песни были случайно мне показаны одним рабочим рудника им. С. М. Кирова Островеверховым Иваном Максимовичем. Островеверхов, отбывая в 1930—1931 гг. наказание в лагере на Севере, по Мурманской дороге записывал от своих товарищей песни, которые ему понравились с целью их заучить. Некоторые он помнил и пел, но сейчас уже забыл. В прошлом Островеверхов — крестьянин, сын кулака, урожд. Краснодарского края, Лабинского р-на, станицы Урупской. Возраст 34 г<ода>.

Записная книжка Островеерхова очень потерта. Он ее хранит как память. Копии мной делались без определенной цели, на всякий случай. Украинские песни, на мой взгляд, некоторые весьма любопытны, возможно и ценные, я старался копировать точно, т<ак> к<ак> я (и, как оказалось, сам Островеверхов) украинского языка совсем не знаю (Л. Домановский. Осень 1939 г. Тюремные песни)».

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 4.

Зап. осенью 1939 г. в пос. им. С. М. Кирова Кировского р-на — от Ивана Максимовича Острроверхова, 34 лет. Примечание собирателя: «малограмотен».

Перетекстовка популярной солдатской песни «Горит свеча в вагоне тихо». Можно назвать ее «соловецкой» версией. О фольклоре Соловков см.: *Глубоковский Б.* 49 : Материалы и впечатления. Соловки, 1926; *Лихачев Д. С.* Соловки 1928—1931 гг. // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. СПб., 1994. С. 165—174. Существуют матросская, казачья и блатная версии песни. Матросская: *Пясковский А. В.* Коллективная пролетарская поэзия: Песни Донбасса. М., 1927. С. 134—135. А. В. Пясковский упоминает о существовании четырех вариантов песни: «Это старая матросская военная песня. При старом режиме была запрещена» (Там же. С. 134). См. также: *Жиганец Ф.* Блатная лирика. С. 76—78. Варианты собраны на сайте: <http://a-pesni.org/popular20/gorivsvetcha.htm>. Дата обращения: 08.07.2014.

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 6.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

Вероятно, в основе песни лежит реальный факт. О побегах из Соловецкого лагеря см.: *Сошина А. А.* Мутный призрак свободы: о побегах с Соловков в 1923—1939 гг. // Соловецкое море. 2007. № 6.

Песня в несколько измененном виде исполнялась Аркадием Северным.

№ 5. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 6.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

Джекобсоны приводят два варианта песни (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 44—45). Публикуемый текст ближе ко второму варианту — из архива радиопрограммы «В нашу гавань заходили корабли». «Текст этой песни является переработкой стихотворения „Смерть арестанта“, сочиненного политическим заключенным Вечником на Карийских рудниках в Желавской центральной тюрьме» (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 46). Песня была включена в печатные песенники начала XX в. Варианты: *Петров В.* 3 фольклору правопорушників // Етнографічний вісник. Киев, 1926. Кн. 2. С. 53 («За кірпичної тюремно стіною» в записи Н. Дмитрюка); Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб., 1996. С. 265—266 («За кирпичной тюремной стеною». Зап. в 1978 г. в д. Малое Борисово Бабаевского р-на Вологодской обл. Исп.: Георгиевская Аполлинария Ивановна (1903 г. р.), Вениаминова М. и Гашкова Н.); Песни царской неволи / Сост. С. И. Красноштанов. Хабаровск, 1985. С. 63—64.

№ 6. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 7—7 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

Отрывок текста см.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 22, л. 16 об. (Ученический альбом (владелец не выявлен). Альбом приобретен от Н. Макиной — ученицы 8-го кл^{асса} 2 ср^{едней} шк^{олы}, в г. Кировске, пос. Кирова. 9/ХІІ.<19>40 г.).

Песня на стихи «У могилы матери» самодеятельного ярославского поэта XIX в. И. З. Сурикова. На грампластинке вышла в 1911 г. в испол-

нении С. П. Садовникова с аккомпанементом балалайки и мандалины. Песня записывалась в фольклорных экспедициях в 1970—1990-е гг.

№ 7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 8—8 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

Джекобсоны приводят три варианта песни. Вариант, записанный Л. В. Домановским, ближе всего ко второму варианту из архива радиопрограммы «В нашу гавань заходили корабли». Он был прислан из г. Кирова. Оговаривая, что эта песня не встречается в сборниках до 1917 г., Джекобсоны, опираясь на лексику (привратник, верст, на помин души), помещают ее среди дореволюционных. Эта песня исполнялась в одном из лагерей Коми АССР в конце 1930-х гг. (*Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 22—24*). Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 257—258 («В воскресенье мать-старушка». Зап. в 1978 г. в д. Никольское Бабаевского р-на Вологодской обл. Исп.: Елизавета Ивановна Крутикова (1915 г. р.), Горбова В. и Штарева И.).

№ 8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 9—9 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 3.

В правом верхнем углу зачеркнута надпись собирателя: «выяснить?».

Тюремная переработка, видимо, сделанная заключенными. Начало этой песни встречается в народной драме Царь Максимилиан.

№ 9. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 10.

Зап. в 1938 г. по пути в Кировск из Ленинграда — от молодого человека, бывшего в лагерях.

Публикуемый текст восходит к песне на стихи Е. П. Гребёнки (1812—1848) «Казак на чужбине» (1838). Гребёнка был автором многих песен. «Лучшие стихи созданы в романсной или песенной манере: „Черные очи“ («Очи черные, очи страстные...») (1843), народный вариант до сих пор пользуется широкой популярностью), „Песня“ («Молода еще я девица была...») (1841), «Почтальон» (1841)), „Українська мелодія“ («Ні, мама, не можна не люба любити» (1840))» (Русские писатели. 1800—1917. Т. 2. Г—К. М., 1992. С. 14).

№ 10. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 11—11 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 9.

Народный вариант стихотворения Н. А. Риттера (переработка А. М. Давыдова) (1916), музыка Н. Бакалейникова (Песни русских поэтов / Сост. В. Е. Гусев. Л., 1988. Т. 2. С. 370, 490). Две последние строки заимствованы из городской лирической песни «Меж крутых бережков...» (приписывается М. Ожегову (1893)) (Песни русских поэтов... С. 269—270, 641). М. Ожегов сотрудничал с издателями (П. В. Каменевым, Е. А. Губановым), которые помещали его песни в массовые песенники. «Песни О<жегова> часто распевались еще до опубликования, они охотно исполнялись хорами песельников в трактирах, на их сюжеты выпускались лубочные картинки. Особой, долго не проходящей популярностью пользовались песни „Колечко“ («Потеряла я колечко...»), „Зачем ты, безумная, губишь...“, „Меж крутых берегов...“, „Чудный месяц плывет над рекою...“ и др.» (Русские писатели. 1800—1917. Т. 4. М—П. М., 1999. С. 403). Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 154; Жестокие романсы Тверской области /

Сост. Л. В. Брадис, Е. В. Петренко, М. В. Строганов, И. С. Тарасова. Тверь, 2006. С. 14; Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. Киев, 1997. С. 260.

№ 11. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 12—12 об.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 9.

Джекобсоны приводят пять вариантов песни. Самый подробный — по статье Н. Хандзинского (*Хандзинский Н.* Блатная поэзия // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 1. С. 73—75). Однако Джекобсоны не оговаривают, что Хандзинский воспроизвел текст, написанный на стене. Песня ли это, он не уточняет. «Это, пожалуй, одна из самых длинных и популярных песен профессиональных преступников, известная всем под названием „Гоп со смыком“. Она упоминается в нескольких статьях о тюремных песнях. Ее мелодия использовалась по крайней мере в четырех других песнях. <...> Популярности песни во многом способствовал Л. Утесов, который исполнял второй вариант песни, в обработке композитора П. Игнатъева, с эстрады и даже записал его на пластинку в 1932 г. По воспоминаниям Д. Лихачева, именно второй вариант пелся профессиональными преступниками с начала 1930-х гг. на Соловках. Утесовская пластинка в конечном итоге стала решающим фактором в ее распространении. С начала 1950-х гг. она исполнялась студентами в туристических походах» (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 207). «Дем'яновский записав був р. 1926-го од учнів 18 Трудшколи на Подолі в Київі такі, приміром, пісні: <...> „Гоп со смыком“» (*Петров В.* 3 фольклору правопорушників. С. 46). «Как указывает один из обследователей, летом на окраинах Ленинграда пользовалась большой популярностью песня „Гоп со смыком“ — „несомненно составленная рецидивистом“. Всего эта песня насчитывает ... 263 куплета!» (*Авлов Гр.* В борьбе за песню / Жизнь искусства. 1927. 1 февраля. № 5. С. 7). См. также: *Неклюдов С. Ю.* «Гоп со смыком» — это всем известно... // Фольклор, постфольклор, быт, литература : Сборник статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб., 2006. С. 65—85. Варианты: *Петров В.* 3 фольклору правопорушників. С. 57—58 («Гоп со смыком» в записи Н. Дмитрук в Киеве); Уличные песни / Сост. А. Добряков. М., 1997. С. 52 («Гоп-со-смыком» — «Родился я у беса под забором...»); Там же. С. 53—54 («Родился на Подоле Гоп-со-смыком...»).

№ 12. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 13.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 9.

Отказ от работы в лагере — путь в вору в законе, которые не идут на компромиссы с лагерной администрацией. Согласно воровским законам, вор не должен работать. Варианты: *Жиганец Ф.* Блатная лирика. С. 71—72. Начало песни в варианте Ф. Жиганца апеллирует к «Гопу со смыком»:

«„Гоп со смыком“ петь неинтересно:
Все двадцать три куплета нам известны.
Я спою вам песнь такую,
Песню новую, другую —
Как живут филоны в лагерях».

Вариант Домановского более подробен.

№ 13. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 14—14 об.

Зап. осенью 1935 г. в Ленинграде — от молодого человека, 20 лет. Примечание собирателя: «[записана] в Институте протезирования (ул. Карла Маркса, 9/12). Песня записана от инвалида от рождения (фамилию не помню) возраст 20 лет. Во время моего лечения в институте протезирования (сентябрь 1935—январь 1936)».

Варианты: В нашу гавань заходили корабли. С. 169 («Пастушка» — «По деревне ходила со стадом овец...»); Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова; Вступ. статья Ф. М. Селиванова. М., 1999. С. 389.

№ 14. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 14 об.—15.

Зап. А. Бобровым и О. Николаевым в 1978 г. в д. Ивановская Кадуйского р-на Вологодской обл. Исп.: Пикина Екатерина Ивановна, 1913 г. р.

Вариант: Современная баллада и жестокий романс. С. 38—39 («Этот случай был в лето жаркое»).

№ 15. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 17—18.

Зап. осенью 1936 г. в пос. им. С. М. Кирова Мурманской обл. Кировского р-на — от Марии Васильевны Кошелевой, 14 лет, ученицы 6-го класса 2 средней школы.

Переделка городской лирической песни «Всею душой полюбил я девицу...» (народная версия стихотворения А. Вельтмана «Полюбил всею душой я девицу») (*Якуб А. С. Современные народные песенники // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 71*). Варианты: Русский романс на рубеже веков. С. 273; <http://a-pesni.org/popular20/polubilvsej.htm>. Дата обращения: 08.07.2014.

№ 16. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 18—19.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 15.

Пародия на популярную песню «Кирпичики». Музыкальный деятель 1920-х гг. Л. Лебединский считал песню «Кирпичики» куда более «вредной», нежели городские романсы, так как она претендовала на то, чтобы быть новой рабочей песней, однако и содержание, и напев роднили ее со «второсортным» мешанским фольклором. «Таков же В. Кручинин, пустивший вальс „Две собачки“ в виде песни „Кирпичики“, создавший и „знаменитую“ „Шахту № 3“, отвратительную „цыганщину“, искалечившую музыкальный вкус миллионов. Подобные произведения — цвет, аромат медленного перерожденчества, разложения и вредительства» (*Лебединский Л. Наш массовый музыкальный быт // Пролетарский музыкант. 1930. № 9—10. С. 18*). «Музыка „Кирпичиков“ притупляет. У нее монотонный, однообразный ритм. <...> „Кирпичики“ воспитывают сонную, ленивую, инертную волю, они отучают мысль от стремительности, остроты и блеска» (Там же. С. 7—30). О «Кирпичиках» см.: *Бахтин В. С. «Кирпичики» // Нева. 1997. № 10. С. 225—229; Неклюдов С. Ю. «Все кирпичики да кирпичики...» // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Р. Д. Тименчика. М., 2005. С. 271—303. Запись «Кирпичиков» обнаруживается и в старообрядческом лицевом сборнике XIX в.: «На украини где то в городі я убогий семі раділас, лет сімнадцяти горемічняя на кірпічної завод найнилас» (Древлехранилище им. В. И. Малышева*

ИРЛИ РАН, кол. М. С. Бурмагиной, № 93, л. 103 об., карандашная надпись скорописью, начала XX в.); автор настоящей публикации выражает благодарность Арине Бильдюг, указавшей на эту запись. О пародии на «Кирпичики» в блатной среде: *Цехновицер О. В.* [Тюремные песни]. С. 503—504. Пародией уже в свою очередь на «Пролетарочку» является песня «Семен/Серегга – пролетарий»: «Служил на заводе Семен-пролетарий» (*Бахтин В. С.* Из городского песенного репертуара 1920—1930-х гг. // Живая старина. 1995. № 1. С. 20); «Служил на заводе Серенька-пролетарий» (В нашу гавань заходили корабли. С. 36); «Серегга-пролетарий» (Уличные песни. С. 308—309). Вариант: В нашу гавань заходили корабли. С. 42 («Пролетарочка» – «На заводе том была парочка...»).

№ 17. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 19.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 15. Собиратель, по-видимому, ошибочно указывает «Переписано из альбома Лиды Кошелевой».

Примечание собирателя: «Подобные альбомные песни с крепкой долей примитивного сентиментализма, бывшего совсем недавно в большом ходу, отходят безвозвратно в прошлое. Любопытно, что они все еще продолжают встречаться в тщательно припрятываемых тетрадочках у девочек-школьниц 4—7 кл<ассов>. Мне думается, что в этом влияет некоторая доля романтики, стремление иметь „свою тайну“, над материалом которой (песенками, наивными стихиками и пр.), конечно же, задумываются. У деревенских девушек и учениц альбомы играют роль песенников».

№ 18. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 20.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 15.

Переделка песни «Аржак». С. Ю. Неклюдов считает песню «Аржак» зависимой от песни «Маруся отравилась». Вероятно, что в основе обеих лежит уголовная хроника. Варианты песни и анализ см.: *Неклюдов С. Ю.* Почему отравилась Маруся? // Габриэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина. Цит. по интернет-ресурсу: <http://www.ruthenia.ru/document/545633.html>. Дата обращения: 08.07.14.

№ 19. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 21.

Зап. летом 1937 г. в д. Болоково Новоржевского р-на Калининской обл. Исп.: Нюша Алексеева, 12 лет, ученица 4-го класса.

В папке «особое хранение» этот же текст не паспортизирован: РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 23, Материалы из архива Л. В. Домановского (кол. 111), л. 3—3 об. Зап. от «Ал. Н. 17/VIII—37». Варианты: *Лурье М. Л.* Народная баллада «В одном городе близ Саратова...»: (Постановка вопросов и публикация вариантов) // Вестник РГГУ: Ежемесячный научный журнал. 2009. № 9. С. 216—258 (Серия «Литературоведение. Фольклористика»); В нашу гавань заходили корабли. С. 170—171 («Печка» — «В одном городе близ Саратова...»). Джекобсоны считают эту песню вариантом песни про Митрофаньевское кладбище (*Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 466—469). В сборнике «Современная баллада и жестокий романс» (С. 126—127) приведен вариант песни «Мы с товарочкой вдвоем училися». Содержание соответствует песне

«В одном городе близ Саратова», однако имеет другое ритмическое оформление: «Ох, была беда да близ Саратова / Жила семейшка да небогатая» (зап. в 1978 г. в д. Давыдовка Бабаевского р-на Вологодской обл. Исп.: Меленцова Анна Матвеевна (1908 г. р.), Штарева И. и Горбова В.).

№ 20. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 22—23.

Зап. летом 1937 г. в д. Доманово Новоржевского р-на Калининской обл. Исп.: Александра Федоровна Федорова, 21 года, учительница начальной школы.

Вариант: из архива Л. В. Домановского (р. V, кол. 99, п. 3, № 22, л. 26—27). Примечание собирателя: «Ученический альбом (подлинный владелец не выявлен). Альбом приобретен от Н. Макиной — ученицы 8-го кл^{асса} 2 ср^{едней} шк^{олы}» в г. Кировске, пос. Кирова. 9/ XII—40 г.»:

«Песня.

Зачем люблю тебя так сильно,
Зачем мне скучно без тебя,
Зачем так смотришь на меня лукаво,
Зачем терзаешь ты меня.
Огонь горит, пылает, но любовь жарче огня,
Огонь залить возможно,
Но любовь ничем нельзя
Любовь тогда лишь хороша,
Когда взаимная бывает,
Но в частых случаях она,
У многих жизни отнимает,
Теперь я песню вам спою,
Своими видел я глазами,
Судили девицу одну.
Она дитя была годами, вот скоро ей начнется
Суд. Весь зал наполнен был народом,
И судья все сидят вокруг, конвой пробил
Для ней дорогу, она просила говорить.
И судья ей не отказали, когда окончила она,
Весь зал наполнен был слезами. Смотрите,
Всем я хороша, мой вздор не омрачен годами,
Судите все мои друзья, я вот открыта
Перед вами, большую гордость затая, свое
Молчанье я прекращаю, за что он полюбил меня,
За красу ли я не знаю, и долго я
Боролась с ним. Но воля чувств не уступила,
Ушла от матери родной, судья, я его любила
Среди товарищей своих.
Хвалиться стал уже другою,
А я узнала все о нем,
Не дорожит безумец мною,
Однажды встретилась я с ним,
И отомстить ему решила,

Вонзила в грудь ему кинжал,
О! Судья, я его любила.
Я снисхожденье не прошу,
И признаюсь, что виновата,
Читайте приговор скорей,
А то и так уж сердцу больно,
Вдруг пошатнулась она,
Последний вздох ее раздался,
И приговор в руках судьи,
Так недочитанным остался».

«Эта песня о профессиональной преступнице <...> написана на мотив романса „Он виноват“ музыка М. Перроте. В светском романсе, начинающемся со слов „Не говорите мне о нем“, женщина хочет забыть обидевшего ее мужчину. В воровской песне она убивает его» (Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 220). Джекобсоны приводят три варианта песни (Там же. С. 214—220). Самый ранний вариант: Глубоковский Б. 49 : Материалы и впечатления. С. 30—31. Варианты: Песни узников / Сост. В. Пентюхов. Красноярск, 1995. С. 124—125; В нашу гавань заходили корабли. С. 150—152; Современная баллада и жестокий романс. С. 40—41 («Сейчас вам случай расскажу»), 41—43 («Любовь, я знаю, — хорошо), 314—315 («В Московском зале городском»); Уличные песни. С. 189—190 («Судили девушку одну»); Баллады / Предисл. и публ. С. Б. Адоньевой // Русский школьный фольклор : От вызываний Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 175, 176—177; Альбомы детской колонии / Предисл. и публ. М. В. Калашниковой // Там же. С. 382—383.

№ 21. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 24.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 20.

Фрагментарно, не с начала, песня представлена в «особом хранении» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 23, Материалы из архива Л. В. Домановского (кол. 111), л. 4).

№ 22. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8.

Зап. летом 1927 г. в д. Доманово Новоржевского р-на Калининской обл. — от девушки.

В папке «особое хранение» представлена полевая запись текста, текст неполный, не с начала (РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 23, Материалы из архива Л. В. Домановского (кол. 111), л. 1).

№ 23. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 24 об.—25.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 22. Примечание собирателя: «переписана из альбома девушки».

Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 117—118.

№ 24. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 25.

Зап. летом 1937 г. в д. Доманово Новоржевского р-на Калининской обл. Исп.: Миша Павлов, 12 лет. Примечание собирателя: «знает много романсов „жестокого“ типа».

Этот же текст (вероятнее всего, полевая запись) хранится в папке «особое хранение» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 193, № 23, Материалы из ар-

хива Л. В. Домановского (кол. 111), л. 9—9 об.). Джекобсоны излагают историю песни, основываясь на работах Р. Ротштейна, Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд. Согласно им, в основу песни лег романс 1870-х гг. «Она посмотрела мне грустно в лицо». В начале XX в. появляются фольклорные переработки романса, одна из которых публикуется в сборнике братьев Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (М., 1915). Именно эта версия, согласно Ротштейну, была переработана малолетними преступниками, и, в записи М. Афанасьева и Запори́жжа «Как в саду при до́ліні», была опубликована в 1926 г. (*Петров В. 3 фольклору правопорушників*. С. 54). Песня озвучивала фильм «Путевка в жизнь», что способствовало ее популярности (*Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 479—480*). «В результате широкого использования музыки и песен в кино 1930-х гг. рождается эффект прямого эмоционального участия и объединения коллектива. Об этом свидетельствует, например, популярность песен советской кинокомедии. Возникает впечатление, что поют не актеры фильма или кинопублика, а само народное содружество» (*Гюнтер Х., Хэнсен С. Введение // Советская власть и медиа : Сборник статей под общ. ред. Ханса Гюнтера и Сабины Хэнсен. СПб., 2006. С. 9—10*).

Джекобсоны приводят три варианта песни. Второй вариант, по коллекции А. Варди, включает сюжет песни «Если урика поймали». В публикуемом тексте налицо контаминация с песней «Налетчик» (*Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа... С. 149—152*). Такая же контаминация есть в тексте из «Неожиданно в облаву» (Ванюша попадает в облаву, мать узнает об этом, Ванюша бежит и погибает). Вторая часть — «Вот умру я, умру» (Зап. в 1978 г. Е. Столяровой и И. Смирновым в д. Лог Кадуйского р-на Вологодской обл. Исп.: Василий Ефимович Кольцов (1919 г. р.)) (Современная баллада и жестокий романс. С. 256—257). См. также комментарий М. Л. Лурье в сборнике О. Цехновицера (*Цехновицер О. В. [Тюремные песни]. С. 619—621*). Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 193—196; Уличные песни. С. 92; *Цехновицер О. В. [Тюремные песни]. С. 513—514. № 25—27. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 25—27*.

Сведения о времени, месте записи и исполнителе см. примеч. к № 24.

Второй вариант: зап. летом 1937 г. в д. Болоково Новоржевского р-на Калининской обл. Исп.: Алексей Хохлов, 11 лет. Примечание собирателя: «он песню заучил от мальчика из д. Полушкина Посадниковского с/с этого же района».

Третий вариант «Акуловского Васи» в виде фрагментарной записи (не с начала) хранится в РО ИРЛИ (р. V, кол. 193, № 23, Материалы из архива Л. В. Домановского (111 кол.), л. 10—10 об.). В тексте из «особого хранения» отсутствует начало и конец песни. Однако сравнение текстов позволяет предположить, что в «особое хранение» была помещена полевая запись именно этого текста из коллекции № 99.

Примечание собирателя: «подобных по содержанию, построению песен в деревнях Лиховского с/с, Васьково-Иглинского с/с Новоржевского р-на довольно много (см. присланные ранее «Про Качаевскую Маню», «Вася и Маня»). Они распространились в ущерб

высоко художественной старинной песни. Старую песню молодежь вообще не знает, помнят ее только старики».

№ 28. РО ИРЛИ, р. V, кол. 99, п. 3, № 8, л. 28.

Зап. в марте 1938 г. в пос. им. С. М. Кирова Кировского р-на Мурманской обл. Исп.: Клавдия Соколова, 52 лет (урожд. д. Скребино Чарозерского р-на Вологодской обл.).

В основе песни — стихотворение Я. Полонского «Подойди ко мне, старушка...» (1856). Подробнее см.: *Неклюдов С. Ю.* Фольклорные переработки русской поэзии XIX в. : Баллада о Громобое // И время и место : Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 574—593. Варианты: Современная баллада и жестокий романс. С. 109, 110, 146—148; современные варианты см.: <http://a-pesni.org/dvor/dajtehodu.php>. Дата обращения: 08.07.2014.